

Аутистическое мышление- психоаналитический взгляд (анализ работы Э. Блейлера)

Аутистическое мышление- психоаналитический взгляд

(анализ работы Э. Блейлера)

Вот как определяет аутизм сам Блейлер: «Одним из важнейших симптомов некоторых психических заболеваний является преобладание внутренней жизни, сопровождающееся активным уходом из внешнего мира. Более тяжелые случаи полностью сводятся к грезам, в которых как бы проходит вся жизнь больных; в более легких случаях мы находим те же самые явления в меньшей степени. Этот симптом я назвал аутизмом». Блейлер считает аутистическое характерным не только для шизофрении и сновидений. Аутистическое мышление- не патологический процесс, а нормальный компонент мышления, который резко отличается от мышления рационального. Он утверждает, что бред, несмотря на свою нелогичность, является попыткой преодоления противоречий, связанных с одним или несколькими определенными комплексами.

Тенденциозность аутистического мышления заключена в том, что ассоциации, совпадающие с аффективным стремлением, прокладывают себе путь, противоречащие же тормозятся. Аутистическое, таким образом приравнивается к аффективному. Блейлер различает два принципа управления аутистического мышления. Оба принципа имеют как структурирующую, так и репрессивную функции. Первый принцип связан с прокладыванием пути и увеличением логической ценности для совпадающих с аффектом ассоциаций, и репрессией не совпадающих с аффектом представлений. Вторым принципом характеризуется активацией, выстраиванием ассоциативных путей, доставляющих в итоге удовольствие, и репрессией представлений, связанных с неудовольствием. То есть, аутистическое мышление целиком и полностью находится в пределах принципа удовольствия, ничуть не считаясь с принципом реальности. Происходит своеобразная редукция реальности до уровня поставщика представлений. Противоположностью аутистического мышления Блейлер называет мышление реалистическое, определяя его так: «В реалистическом мышлении, в нашей жизни и в наших поступках большое число влечений и желаний игнорируется, подавляется в пользу того, что является субъективно важным; многие из этих желаний едва ли доходят до нашего сознания». Понятно, что аутистическое мышление «выбирает» ассоциативные траектории, дает выражение тенденциям благодаря аффекту, и представления, не соответствующие аффекту просто не включаются в цепочку. и «реалистическое мышление представляет действительность; аутистическое мышление представляет себе то, что соответствует аффекту». Но за счет чего, за счет какой силы происходит игнорирование и блокада влечений, в свою очередь перегруженных аффектом? На этот вопрос не так-то легко ответить. Должна существовать некая сила, которая могла бы противостоять аутистическому удовлетворению: «тот, кто удовлетворяется аутистическим путем, имеет меньше оснований или вовсе не имеет оснований к тому, чтобы действовать». Но почему в итоге действие происходит? Говорить о принципе реальности, как об основании, возвращающем субъекта в действительность, и порывающее с аутизмом сложно, так как редко когда психотик, или пациент с аутизмом погибает от того что не может выполнить свои жизненные потребности. Психотик в современном мире находит себе нишу, в

котором его основные жизненные потребности удовлетворяются, вернее эта ниша находит его, при этом жизненные потребности реализуются, и даже с минимумом затрат, что весьма экономично. Поэтому нельзя сказать, что психотик не приспособлен к реальности. Блейлер пишет, что «в то время как аутизм приводит вследствие осуществления желаний прежде всего к экспансивному бреду, восприятие препятствий должно порождать бред преследования. Отсюда в этих случаях цель аутизма заключается в том, чтобы создать болезнь. Болезнь должна позволить пациенту избежать предъявленных реальностью требований, которые слишком тягостны для него». Так что не нужда, не принцип реальности заставляют субъекта порвать с аутизмом. Тогда что это за сила? Возможно, одно, доминирующее влечение, и соответствующий ему аффект подавляет все остальные, как монотеистический Бог подавляет и исключает языческих богов? В аутистическом мышлении языческие божки-тенденции мирно сосуществуют друг с другом, независимо от того, противоречат ли они друг другу. Но чем тогда является этот господствующий и ревнивый аффект? Не кастрационная ли это тревога? Или скажем проще, разве не очевидно, что подавление аффекта влечения является само- по себе наслаждением, выходом за пределы принципы удовольствия? Тогда само привычное нам, консервативное реалистическое мышление порывает с принципом удовольствия, являясь наилучшим трансгрессивным актом. И для этого субъекту не требуется абсолютно никаких галлюциногенов и прочих психоделических мероприятий. И наоборот, измененные состояния сознания погружают субъекта в принцип удовольствия, и потому не только не обладают никаким «революционным» потенциалом, а напротив, оказываются на проверку предельно консервативными. Но с другой стороны, нельзя сводить реалистическое мышление по Блейлеру к мышлению «здравому». «Здравое» мышление нужно понимать как раз как аутистические фантазии бодрствующего, условно нормального человека.

Аутистическое мышление не является прерогативой бессознательного, Блейлер проводит различие между аутизмом и фрейдовским бессознательным: «у Фрейда аутистическое мышление стоит в таком близком отношении к бессознательному, что для неопытного человека оба эти понятия легко сливаются друг с другом. Однако, если понимать вместе со мной под бессознательным всю ту деятельность, которая во всех отношениях равнозначна обычной психической деятельности, за исключением того лишь, что она не осознается, тогда нужно строго подразделить оба эти понятия. Аутистическое мышление может в принципе быть столь же сознательным, как и бессознательным». Аутизм использует метафору и метонимию, причем ассоциация, подобранная по второстепенным признакам, затем воспринимается субъектом в «первоначальном», «традиционном», буквальном значении. Здесь становится очевидна диссоциация между высказыванием, и его интерпретацией психотическим, сновидящим, или фантазирующим субъектом, то есть тут налицо вытеснение в самом широком смысле слова, и, соответственно, бессознательное сказывается во всем своем величии. Блейлер различает два типа аутистического мышления, в зависимости от генеза. В первом случае почвой служит шизофрения или сновидение (можно смело отнести сюда и эффекты галлюциногенов) даже «прочно установленные понятия», подвергаются диссоциации, и воссоздаются затем в произвольной форме, в сюжете сновидения или психопатологической продукции. В противоположность этому аутизм условно нормального человека в состоянии бодрствования не приводит к расщеплению «традиционных» ассоциативных связей, то есть ассоциативные связи остаются понятными другим. Аутистическое и реалистическое мышление тормозят друг друга, фантазии детей, сновидения, «недоступные» логике сферы (мировоззрение, религия, любовь), аффективная доминанта а так же шизофрения предполагают аутистическое мышление. Рациональное же мышление, если следовать этой логике, должно получить свою максимальную реализацию

в мышлении невротика навязчивости, так как данный невроз наиболее рационален и логичен, несмотря на видимую иррациональность. Тогда, в свете задерживания разрядки становится очевидной близость понятий «логическое» и «анальное». Аутистическое мышление, замечает Блейлер, отнюдь не всегда полностью достигает своей цели, так как изначально в него включены неразрешимые противоречия влечений, что и будет проявляться в виде абивалентности, в итоге приводящее к чувству вины и укорам совести. Блейлер говорит о том, что не может представить себе существо, которое не реагировало бы в первую очередь на действительность. Даже субъект не исключение в этом отношении, если учесть тот факт, что его действительностью является действительность языковая. Блейлер также показывает, что аутистическое мышление в филогенетическом отношении не является ни более примитивным, ни более прогрессивным по сравнению с реалистическим. В определенный момент оно присоединяется к реалистическому (а не возникает из последнего), и далее они развиваются параллельно, различаясь все более резко, вплоть до того, что становятся противоположными друг другу. Далее Блейлер говорит об «невероятном однообразии», ограниченном числе сюжетов аутистических форм мышления, основываясь на материале сновидений, мифов, религии, психологической продукции, подчеркивая неправомочность постулата о «прирожденных идеях» (тем самым не соглашаясь с Юнгом), однако осторожно замечает, что «в аутистической символике существует прирожденное всем людям направление идей». Эти направления, надо полагать, соответствуют тенденциям наименьшего сопротивления, так как аутистическое мышление целиком находится в пределах принципа удовольствия. «Если аутистическое мышление в общем и целом должно показаться вредным заблуждением, то каким образом столь юная в филогенетическом отношении функция могла получить такое большое распространение и силу?» задается вопросом Блейлер. И находит пользу аутизма в том, что он заряжает энергией цель, поставленную реалистическим мышлением, рисуя в воображении красочные, аффективные и потому односторонние картины результата. Иначе сложно было бы результативно действовать, так как всякая беспристрастность в итоге привела бы к неминуемой инфляции цели и к бездействию. Но не этот ли феномен мы видим в клинике шизофрении, там где аутистическое мышление отчуждено от реалистического? У пациента с шизофренией аутизма не больше чем у невротика, просто сам аутизм живет своей аутистической жизнью, а реалистическое мышление- своей. Думать с помощью уготовленных, наличествующих в языке аутистических связей, проторенных самим языком, ставших его структурой наиболее экономично. Эти противотревожные тенденции не есть архетипы, и, надо признать, то, что они совершенно не изучены и по сей день. От архетипов Юнга названные тенденции отличаются отсутствием нуминозного компонента. Они не вызывают у субъекта при встречи с ними никаких мистических переживаний, не несут в себе трансцендентальной, сакральной тайны. Они лишь снижают избыточное напряжение, избавляя субъекта от травмы наслаждения. Если и приходится говорить о каких-либо целях этих направлений, то лишь как о каналах сброса напряжения, вызванного тревогой. Таким образом, рисуя на скучном уроке мандалы, субъект не сталкивается с потусторонним бытием Самости, он всего лишь успокаивается, сбрасывая излишек напряжения, кроме того, если он все-таки сталкивается с этими переживаниями (благодаря психотерапии, конечно же) он успокаивается в двойне. Одно дело, когда субъект выводит в школьной тетради кружочки, а совсем другое, когда он тем самым совершает мистическое таинство.

Автор: [Хагверди Эльдар Рагиб](#)

Адрес статьи в Интернете: <http://www.b17.ru/article/33317/>